

© 1994 г. ПОЛИКАРПОВ А.А., КУРЛОВ В.Я.

**СТИЛИСТИКА, СЕМАНТИКА, ГРАММАТИКА:
ОПЫТ АНАЛИЗА СИСТЕМНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ**

(По данным толкового словаря)

1. Представление о лексике как о многообразном и многоаспектном и в то же время целостном, системном объекте объясняет возможность построения различных, но взаимосвязанных ее классификаций. В качестве классов лексических единиц, выделяемых на разных основаниях и потому отличающихся, но частично пересекающихся по своему составу, могут рассматриваться самые разнообразные группировки лексических единиц: лексико-грамматические, лексико-семантические, объемно-семантические, лексико-стилистические и т.п. (см., например [1—8]). Степень пересечения состава этих классов может свидетельствовать о степени системной корреляции тех признаков, которые были положены в основу разбиения на классы. В задаче системного лексикологического исследования и входит обоснование системной значимости выбранных для исследования признаков, параметров, категорий лексики, формирующих те или иные группировки, объяснение их онтологической сущности, а на этой основе — прогнозирование, а затем экспериментальная проверка прогнозируемых парных и множественных корреляций, являющихся выражением причинных зависимостей между ними. И наконец, интеграция знаний о подтвержденных связях в пределах общелексикологической и, в конечном счете, общелингвистической теории.

2. Задачей настоящей работы является рассмотрение связи стилистических характеристик слов с некоторыми их семантическими (квантитативно-полисемическими) и грамматическими (частеречными) характеристиками. Исследование ведется на материале 1-го издания "Словаря русского языка" в 4-х томах (чаще называемого Малый академический словарь — сокращенно МАС) [9]. Привлечение к исследованию материала такого представительного лексического источника, как МАС, позволяет поставить на серьезную основу изучение проблем системной организации лексики.

В настоящее время нами ведется работа по анализу 2-го издания этого словаря [10]. Изложение результатов этого анализа и их сопоставление по некоторым параметрам с результатами анализа 1-го издания — предмет отдельной публикации.

Указанными характеристиками, разумеется, не исчерпывается набор системно значимых семантических и грамматических параметров лексики. Однако рассмотрение в данной работе даже только этих характеристик совместно со стилистическими позволяет прикоснуться к важному узлу системных отношений в языке — узлу взаимоотношений внешнефункционального и внутрисистемного аспектов в организации лексики и ее динамике.

Внефункциональный аспект представлен стилистическими характеристиками, которые особым образом отображают функциональный диапазон лексических единиц, их универсальность или прикрепленность к определенным условиям общения, а также экспрессивный потенциал их употребления.

Внутрисистемный аспект представлен частеречными и квантитативно-полисемическими характеристиками слов. Частеречная характеристика — это наиболее общая, категориальная характеристика семантики слова. Каждая категориальная группировка слов определенным образом ориентирована на центр-периферийные отношения в системе языка. Количество значений также характеризует статус слова в

языке, степень его освоенности в системе языка, приближенности к ее ядру. Количество значений слова должно определенным образом соотноситься и с качеством значений (например, со степенью их конкретности-абстрактности) [11, 12].

3. Системно-динамический подход к пониманию соотношения этих характеристик реализован в модели жизненного цикла слова [12—15]. Согласно ей, каждое из слов при рождении в подавляющем числе случаев является однозначным, т.е. попадает тем или иным способом в язык для обозначения какого-то одного, относительно нового, весьма специфического для данного коммуникативного коллектива класса смыслов, чаще всего — того или иного класса предметов "второй", искусственной природы. В ходе дальнейшего его использования слово разворачивает свой семантический потенциал в виде последовательного и параллельного "порождения" новых значений от первого и от последующих значений. Процесс "порождения" заключается в том, что некоторые из ассоциаций данного значения с определенным набором обозначаемых им в коммуникации внеязыковых смыслов могут закрепляться, так что некоторые из смыслов приобретают статус новых значений.

Качественное развитие каждого последующего значения в сравнении с предшествующим в основном в направлении все большей абстрактности, признаковой "пустоты" представляет собой ключевое звено в рассматриваемой модели. Этот факт прежде всего определяет постепенное понижение способности каждого из последующих значений к порождению от него новых значений вплоть до полного исчерпания этой способности на определенном шаге процесса. Процесс повышения с течением времени степени абстрактности каждого нового значения слова определяет в основном и все большую его живучесть, устойчивость, продолжительность его существования. Этот же процесс является причиной и все меньшей стилистической маркированности каждого из последующих значений слова (как функционально-стилистической, так и экспрессивно-стилистической), вследствие их все меньшей специфичности, все более слабой привязанности к той референтной, функционально-тематической сфере, элементы которой они обозначают.

Взаимодействие двух процессов — приобретения и потери словом значений — определяет развитие во времени суммарного уровня его полисемии. А именно: порождение новых значений постоянно тормозится, сходя в конце концов на нет, а выпадение значений, хотя тоже постоянно замедляется (из-за повышения абстрактности, устойчивости каждого последующего значения), но продолжается и после того, как закончился процесс приобретения значений, пока самое последнее значение не изживет себя. В результате общий рисунок развития полисемии слова во времени представляет собой асимметричное распределение — с быстрым вначале, но постепенно замедляющимся ростом полисемии (пока прибавка новых значений опережает выход из строя ранее приобретенных), с достижением некоего максимума (когда процессы приобретения и потерь значений сравниваются в мощности) и с длительным периодом снижения полисемии от достигнутого максимума до нуля (в ходе окончательного затухания процесса приобретения новых значений и происходящего через все более длительные промежутки времени выхода из строя последних, самых стабильных значений).

Если бы все слова имели одинаковый семантический потенциал, т.е. проходили бы в одинаковом темпе один и тот же путь развития полисемии, то в любой момент времени в языке среди тех слов, которые имеют определенное число значений, преобладали бы те, которые находятся не на "подъеме", а на "спаде", т.е. те, которые прошли пик своей полисемии. Кроме того, чем менее полисемическую область мы бы взяли для рассмотрения, тем в большей степени в ней преобладали бы значения более старые, более абстрактные, стилистически нейтральные. Соответственно самыми семантически и стилистически специфичными чаще всего должны были бы быть значения слов максимальной полисемии.

Однако в реальности слова по степени их способности к развитию полисемии и к определенной длительности жизни представлены в языке (а точнее, в тех группах

новых слов, которые входят в язык в каждой из последовательно рассматриваемых отрезков его истории) неравномерно. Наиболее многочисленны слова с минимальной полисемической активностью и с минимальной продолжительностью жизни, т.е. рождающиеся, коротко живущие и умирающие однозначными. В определенной степени меньше слов, способных на минимальное развитие полисемии (например, способных в своей истории в какой-то период стать двузначными). В такой же степени по отношению к двузначным еще меньше слов, развивающихся в своей истории максимум до трехзначности и т.д. Точно так же неравномерно представлены среди новых слов (а в итоге и среди всех слов, сосуществующих в языке в данный период времени) те, которые предрасположены к разной длительности жизни. Наиболее "популярна" минимальная длительность жизни. Чем более долгоживущие слова мы берем, тем пропорционально меньше таких слов.

Если таковы типовые потенции развития всего ансамбля лексики естественного языка в любой период его существования, то, во-первых, в любой данный период времени в его словаре должны преобладать однозначные слова. Слова же все более высокой полисемии должны быть представлены с той понижающейся вероятностью, о которой речь шла выше. Во-вторых, среди слов данной полисемии должны преобладать те слова, которые дошли до этой полисемии и дальше ее повышать не смогут. Поэтому слов, поднявшихся к еще большей полисемии и через какое-то время (после пересечения пика своей полисемичности) вернувшихся в одну из более низких полисемических областей, будет всегда меньше, чем слов, находящихся на подъеме. Т.е. в итоге среди значений все менее многозначных слов должны во все большей степени преобладать те, которые более молоды, конкретно-предметны и стилистически маркированы.

Отметим, что явление максимальной предметности значений однозначных слов в словаре данного языка в данное время, а также последовательное повышение абстрактности значений слов все более высокой полисемии экспериментально доказано, как и доказан тот, еще более фундаментальный факт, что каждое новое значение для слов любых частей речи оказывается чаще всего более абстрактным, чем то значение, от которого оно отпочковалось [11].

Вывод, который предстоит проверить нам в настоящем исследовании, — наличие тенденции к последовательному снижению средней степени стилистической маркированности значений слов все более высокой полисемии.

Добавим также, что согласно модели жизненного цикла слова, должна наблюдаться (и экспериментально наблюдается) следующая типовая последовательность словообразовательного процесса: от слов в основном с исходной категориальной субстантивностью, существительных, к менее "вещным", более абстрактным по их категориальной и лексической семантике словам так называемых признаков частей речи — прилагательным, глаголам, наречиям, а от них — к наиболее абстрактным, служебным категориям (местоимениям, предлогам и союзам). Сообразно этой логике, значения существительных как наиболее специфической категории слов должны быть в наибольшей степени маркированы той специальной сферой общения, в которой они употребляются. Степень функциональной стилистической маркированности значений слов должна падать по мере их продвижения по эволюционной словообразовательной последовательности. Этот период мы также проверяем в данной работе.

4. Поскольку отправной точкой настоящего исследования является разбиение лексических единиц на лексико-стилистические классы (ЛСК), т.е. классы единиц, объединяемых принадлежностью к той или иной стилистической категории, необходимо прежде всего определить основные принципы подобной классификации.

На основе синтеза представлений, выработанных в общей и русской лексикографии, могут быть обозначены следующие основные аспекты стилистической маркированности лексических единиц:

- 1) с точки зрения исторической перспективы;
- 2) с точки зрения территориальной ограниченности;

3) по функциональному признаку (по преимущественной связи с той или иной сферой общения);

4) по признаку отнесенности к различным стилистическим пластам литературного языка;

5) по признаку наличия/отсутствия у лексических единиц экспрессивно-эмоциональной окраски¹.

В соответствии с первым признаком на фоне нейтрально-актуальных выделяются устарелые слова и устарелые значения слов, которые противопоставляются актуальной части совокупного лексикона общества [20]. В лексической совокупности современного литературного языка они входят в пассивный фонд, т.е., как правило, не используются, хотя многим носителям литературного языка разные единицы этого плана могут быть известны по текстам классической литературы данного языка. Если некоторые единицы этого фонда спорадически кем-то и употребляются, то в основном для достижения определенного стилистического эффекта, так как они могут относиться к книжно-высокому пласту лексики и потому обладать особой экспрессивной окраской.

На основании второго признака выделяются областные слова, или диалектизмы, противопоставляемые остальным единицам литературного словаря. К этой категории совокупного лексикона общества относится, как правило, та часть лексики диалектного происхождения, которая получила отражение в текстах художественной литературы и поэтому стала известна и многим носителям литературного языка [21—23].

По признаку функциональной отнесенности слова и значения могут быть как общеупотребительными (нейтральными), так и прикрепленными к определенной специальной или разговорной сфере [24—28].

По четвертому признаку лексические единицы делятся на два полярных пласта — “высоких” лексических средств и “низких” лексических средств, а также на промежуточный между ними пласт нейтральных средств. Данная классификация восходит еще к М.В. Ломоносову [29] (см. также [30—33]).

По пятому признаку лексические единицы могут иметь окраску различного эмоционально-экспрессивного плана — “бранное”, “неодобрительное”, “пренебрежительное”, “ласкательное”, “шутливое” и т.п. [34].

Совершенно очевидна связь распределения лексики по пластам с употреблением ее в разных, полярно противопоставленных функциональных сферах общения — книжно-специальных и разговорных. Специальные сферы (или противопоставленная им разговорная сфера) формируют и используют наряду с нейтральными средствами (словами и значениями) еще и специальные (или, наоборот, разговорные средства), несущие на себе отпечаток “высокой” (или “низкой”) стилистики.

Признак же экспрессивности-эмоциональности, в свою очередь, обнаруживает явную зависимость от признака расслоения лексики по стилистическим пластам, т.е. в конечном счете тоже от принадлежности лексической единицы к различным сферам общения.

Классы лексических единиц, территориально и хронологически отмеченных (областная и устарелая лексика), также тяготеют к определенным сферам общения и в конце концов входят в литературном языке в ту систему противопоставлений стилистических пластов лексики — высоких и низких, — которая исходно задается его функциональным расслоением. Устарелость чаще всего коррелирует с высоким стилем и специальными областями общения, а диалектная помеченность слов — с их сниженностью, употребляемостью в разговорной речи [21].

В итоге выделяются три основных, исходных объективных стилистических фактора, которые и формируют стилистическое расслоение лексики и стилистическую окраску слов: социально-функциональный, временной и территориальный [16, с. 104—105].

¹ Наиболее близкий к этому синтез аспектов стилистической маркированности лексики был предпринят в работе [16] (см. также [17—19]).

Мы считаем, что эти три основных фактора и могут быть положены в основу базовой стилистической квалификации единиц словаря, их разбиения на основные лексико-стилистические классы. Ведущим среди этих трех факторов, несомненно, является социально-функциональный фактор, фактор употребляемости слов и значений в различных сферах речевого общения.

В соответствии с этими представлениями была проанализирована система стилистических помет МАС. Все 87 различных стилистических помет, представленных в словаре, были сведены к четырем основным категориям функционально-стилистических помет, что позволило далее расклассифицировать все единицы лексико-стилистического массива (ЛСМ) (т.е. все стилистически маркированные лексико-семантические варианты) нашего словаря по четырем соответствующим лексико-стилистическим классам: "книжно-специальному" (КС), "разговорному" (Р), "устарелому" (У) и "областному" (О).

5. Толковый словарь является специфическим системным отображением реально существующей языковой действительности. Языковая система представлена в словаре в виде извлеченного из речи лексического инвентаря с соответствующими типизированными лингвистическими характеристиками его единиц. Исследования показывают, что при имеющей место известной субъективности в работе лексикографов отбор слов, значений и их характеристик (в том числе и стилистических) в словари разного типа происходит не случайным образом, а на основе определенных задаваемых, "навязываемых", объектов принципов, что приводит к системной, закономерной соотносительности состава толкового словаря с общим составом лексической системы языка. Эти принципы задаются объективным устройством языковой деятельности, и лексикографы эти принципы не придумывают, а лишь в той или иной мере учитывают, отображают. Таким образом, можно говорить о том, что словарь — не хаотическое нагромождение фактов, что в словарях, вероятно, отражаются реально существующие в языке пласты и сферы словарного состава языка, некоторые характерные особенности его системного устройства.

Нельзя не согласиться с Г.Н. Сухляревой [16], которая в связи с этим справедливо ставит вопрос о выделении лексикографической стилистики в особую дисциплину, исходя из возможности использования толковых словарей в качестве источника стилистической информации о лексических единицах языка. По ее мнению, эта дисциплина будет иметь специфический объект исследования (лексический состав языка в том виде, в каком он представлен в словаре) и свою методику (сопоставление слов по их стилистическим характеристикам в разных словарях, изучение способов и закономерностей отображения этих характеристик в зависимости от типа словаря, а также концепции его составителей).

6. Объект настоящего исследования — "Словарь русского языка" в 4-х томах — относится к среднему, по классификации С.И. Ожегова, типу словарей [35]. С.И. Ожегов писал: "Практически созданы и теоретически намечены три основных типа нормативных общих словарей русского языка: б о л ь ш о й, представляющий современный литературный язык в широкой исторической перспективе; с р е д н и й, с детальной разработкой исторически оправданного стилистического многообразия современного литературного языка и, наконец, к р а т к и й, популярного типа, стремящийся к активной нормализации современной литературной речи" [35, с. 91—92].

К большим словарям в современной русской лексикографии относится "Словарь современного русского литературного языка" в 17-и томах [36]. К словарям среднего типа относится, кроме МАС'а, еще "Толковый словарь русского языка" под ред. Д.Н. Ушакова [37]. Словарь краткого типа представлен различными изданиями "Словаря русского языка" С.И. Ожегова [38, 39].

Тождественные или близкие к этому типы толковых словарей вырабатываются в любой развитой национальной лексикографической традиции. По всей видимости, это отражает универсальное коммуникативно-социальное членение литературного

лексикона любого цивилизованного народа, которое возникает для удовлетворения его коммуникативных потребностей.

Современная трактовка трех основных пластов литературного словаря (получаемая на основе специального словарного тестирования носителей нормативного языка [40], а также сопоставления состава толковых словарей разного типа [41, 42]) заключается в том, что "активный запас" современной лексики, отражаемой в кратком словаре, стремящемся "к активной нормализации" [35, с. 92], соответствует п е р е с е ч е - н и ю всех а к т и в н ы х (т.е. используемых продуктивно) индивидуальных словарей полноценных носителей нормативного варианта данного языка данной языковой эпохи. "Активный и пассивный запас лексики современного языка", представляющий стилистическое многообразие современного языка и отражаемый в средних словарях [35, с. 100, 92], соответствует о б ъ е д и н е н и ю всех а к т и в н ы х индивидуальных словарей указанных носителей языка. Наконец, большой словарь, "представляющий современный литературный язык в широкой исторической перспективе" [35, с. 91], соответствует о б ъ е д и н е н и ю всех а к т и в н ы х (продуктивных) и п а с с и в н ы х (рецептивных) индивидуальных словарей этого типа. В совокупность пассивных частей индивидуальных словарей в этом случае попадают те единицы из устаревшего и территориально ограниченного лексического фонда, которые могут быть известны определенному кругу читателей по классическим литературным произведениям.

В итоге, как видно, словарь краткого типа должен обладать полной вложимостью в словарь среднего типа, а этот последний — в большой словарь, причем и по словнику, и по набору значений каждого из повторяющихся слов. В кратком словаре концентрируются ядерные для языка слова и их значения, которые известны всем и и с п о л ь з у ю т с я всеми полноценными носителями языка. Расширение словника и семантического объема слов в среднем словаре в сравнении с кратким происходит за счет отображения более периферийных, но актуальных, к е м - л и б о и с п о л ь з у е м ы х в данную эпоху слов и значений, — в основном за счет маркированных специальной сферой употребления. Расширение большого словаря в сравнении со средним должно происходить в основном за счет устаревших и территориально маркированных слов и значений, хотя практически никем из членов данного языкового коллектива и не и с п о л ь з у е м ы х, но известных довольно широким его кругам как факты культурного достояния, как элементы языка классической литературы.

Наиболее существенным при выборе в качестве объекта нашего исследования МАС'а было то, что это словарь среднего типа, т.е. он должен полно отображать состав и содержание актуальных для данного времени сфер функционирования лексических единиц данного языка, а именно — описывать в некотором приближении с о в о к у п н ы й а к т и в н ы й нормативный словарный запас данного языкового общества в данную языковую эпоху. Эту важнейшую типологическую черту МАС'а мы должны иметь в виду при оценке соотношения ожидаемой и обнаруженной в нем стилистической и иной системной информации.

Полную картину соотношения различных семантических, стилистических и грамматических характеристик с типологическим статусом словаря можно получить только на основе фронтального сопоставительного анализа словарей всех трех типов, который еще впереди².

7. Одним из наиболее важных параметров лексических единиц является величина их семантического объема. Эта характеристика отражает широту функциональных возможностей слова, степень продвинутости по пути реализации его семантического потенциала (о чем говорилось выше). Она связана как с преобладающей качественной характеристикой его значений, так и с его категориальной, частеречной принадлежностью. Параметры уравнений распределения слов того или иного словаря

² Предварительные попытки в этом направлении предприняты в работах [41, 42].

по количеству значений имеют как типолого-лингвистический, так и типолого-лексикографический смысл [41].

Все лексические единицы словаря могут быть разделены на следующие объемно-семантические группы: слова с 1, 2, 3—4, 5—8, 9—16, 17—32 и большим числом значений. В основе данного способа группировки слов лежит логарифмическая мера величины полисемии. Она используется для того, чтобы получить такие группы слов, каждая из которых заметно отделяется по этой характеристике от предшествующих и последующих групп в этой последовательности³.

8. По указанным стилистическим, объемно-семантическим, а также традиционным частеречным характеристикам (существительные, глаголы, прилагательные, наречия и другие части речи были исследованы 1-й, 2-й, 4-й тома МАС'а; всего — 63 386 слов. Общее количество ЛСВ слов этой части словаря — 95 702. Из них стилистически маркированных ЛСВ [или объем лексико-стилистического массива (ЛСМ) этого словаря]⁴ — 35 985, что составляет 37,60% от общего количества всех ЛСВ словаря. (Данные для всех однозначных слов МАС'а были рассчитаны с помощью экстраполяции на основе исследования двух случайных выборок однозначных слов из всего МАС'а общим объемом 3047 единиц.)

Больше всего в словаре содержится ЛСВ, маркированных пометами разговорного класса (Р), — 49,29% от числа всех стилистически помеченных ЛСВ (или 18,53% от общего количества всех, маркированных и немаркированных, ЛСВ). ЛСВ, маркированных пометами книжно-специального класса (КС), гораздо меньше — 30,52% от объема всего ЛСМ (и 11,48% от общего числа всех ЛСВ) словаря. Соответствующие показатели для устарелого (У) и областного (О) классов еще ниже — 17,85% (6,71%) и 2,34% (0,88%).

Предполагалось, что специальные значения, представляющие культурную сферу словаря данного общества, должны преобладать над любыми другими стилистически маркированными типами значений, в том числе над разговорными значениями, представляющими "ядро" языковой системы. То, что в данном словаре наблюдается обратное соотношение, настораживает. Имеющиеся в нашем распоряжении данные по английскому, финскому, эстонскому и другим языкам находятся в соответствии с теоретическими ожиданиями⁵.

Из всех 45 646 ЛСВ однозначных слов словаря помечено теми или другими пометами 18 146 (39,75%), а из общего количества ЛСВ всех многозначных слов стилистически помеченными являются 17 839 (35,64%). Как видно, значения однозначных слов в целом оказываются более стилистически маркированными в сравнении со значениями всей совокупности многозначных слов, что соответствует нашим общим представлениям об однозначной лексике как наиболее периферийной, наиболее специфичной, хотя контраст между ними в этом плане ожидался более заметный.

Далее выявляется, что и внутри совокупности всех многозначных слов чем менее многозначная группа слов берется, тем ее значения, как правило, оказываются более стилистически маркированы. Особенно наглядно это видно в том случае, если мы берем укрупненные группы слов согласно тем полисемическим зонам, которые были указаны выше⁶. Это прослеживается как для всего лексико-стилистического массива (ЛСМ), так и в основном для отдельных его лексико-стилистических классов (см. табл. и рис. 1).

³ Обоснование, а также рассмотрение других аспектов подобной классификации лексики см. в [41]

⁴ Здесь и далее, при описании результатов анализа, под словом "словарь" будет подразумеваться исследованная часть МАС'а (1-й, 2-й и 4-й тома). Данные по 3/4 объекта, несомненно, достаточно надежно характеризуют объект в целом.

⁵ См. также [43]

⁶ Верхняя граница последней зоны (17—32 значения) расширены нами до 34 значений, так как выделять в отдельную зону (33—64) имеющееся в наличии только одно 34-значное слово было бы неоправданно.

Соотношение общей и разрядной стилистической помеченности ЛСВ слов разных частей речи по разным полисемическим зонам словаря МАС

Полисемические зоны	Все (помеченные и непомяенные) ЛСВ	Стилистически помеченные ЛСВ в процентах ко всем (помеченным и непомяенным) ЛСВ				
		К	Р	У	О	ЛСМ
		ЛСВ	%	%	%	%
СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ						
1	22582	16,87	12,75	6,77	1,06	37,45
2	8978	18,33	17,61	9,01	2,34	47,29
3—4	6619	14,84	16,20	7,06	1,33	39,42
5—8	3020	13,68	12,75	5,10	0,73	32,25
9—16	684	8,33	6,58	4,82	0,73	20,47
ГЛАГОЛ						
1	11247	6,40	37,87	9,15	0,53	53,87
2	7294	6,24	32,26	6,55	0,84	45,89
3—4	6977	4,04	25,05	4,84	0,69	34,63
5—8	4114	2,97	17,70	2,80	0,44	23,89
9—16	1225	3,02	16,98	2,20	0,24	22,45
17—32	104	1,92	9,62	0,96	0,96	13,46
ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ						
1	10107	13,36	7,72	5,64	0,30	27,01
2	4578	14,18	8,32	7,01	0,46	29,97
3—4	3214	8,81	5,82	4,64	0,31	19,57
5—8	1145	6,99	4,80	2,97	0,09	14,85
9—16	199	4,52	4,02	3,52	0,00	12,06
НАРЕЧИЕ						
1	1170	0,00	25,73	0,00	0,00	48,72
2	500	1,40	29,80	8,20	0,80	40,20
3—4	393	0,76	15,78	3,05	0,00	19,59
5—8	238	0,42	13,45	6,30	0,00	20,17
9—16	39	0,00	5,13	0,00	2,56	7,69
17—32	17	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
ОСТАЛЬНЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ						
1	540	0,00	44,63	22,41	0,00	61,11
2	210	2,86	33,33	12,38	2,86	51,43
3—4	148	1,35	60,81	8,11	4,05	74,32
5—8	163	3,68	25,77	13,50	2,45	45,40
9—16	91	2,20	5,49	4,40	0,00	12,09
17—34	106	0,94	4,72	1,89	0,00	7,55
ВСЕ ЧАСТИ РЕЧИ ВМЕСТЕ						
1	45646	13,01	18,66	7,36	0,72	39,75
2	21560	12,82	21,03	7,77	1,40	43,01
3—4	17351	8,94	18,21	5,64	0,88	33,66
5—8	8680	7,17	14,31	3,92	0,52	25,91
9—16	2238	4,69	11,97	3,17	0,40	20,24
17—34	227	1,32	6,61	1,32	0,44	9,69

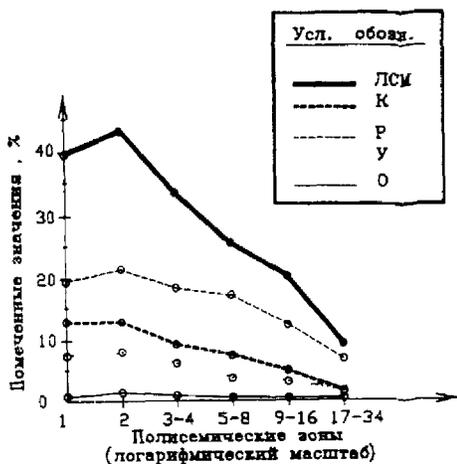

Рис. 1

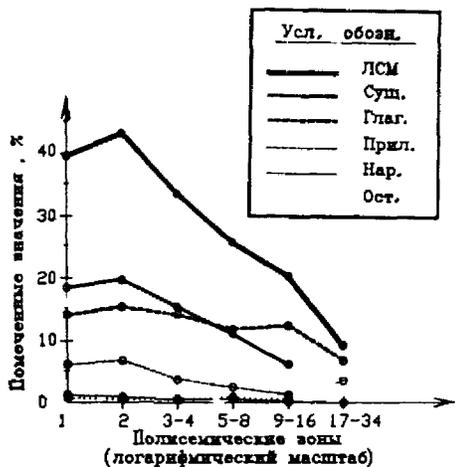

Рис. 2

Рис. 1. Соотношение общей и разрядной стилистической помеченности ЛСВ слов по разным полисемическим зонам словаря

Рис. 2. Соотношение общей стилистической помеченности ЛСВ слов разных частей речи по разным полисемическим зонам словаря

Тенденция большей маркированности значений менее полисемичных слов свойственна, по нашим данным, также английскому, польскому, финскому, эстонскому, турецкому, татарскому и туркменскому языкам, т.е., по-видимому, она является универсальной.

Вместе с тем необходимо отметить следующие факты, пока выпадающие из этой общей тенденции, наблюдаемой на материале МАС'а.

Прежде всего бросается в глаза, что в наибольшей степени не соответствует указанной общей тенденции участок перехода от двузначных слов к однозначным — как в случае употребления книжно-специальных, так и разговорных помет. Стилистическая помеченность значений однозначных слов оказывается существенно ниже ожидаемой, если прогнозировать ее динамику на основе тенденции, наметившейся в прочих полисемических зонах. Наиболее вероятным предположением, на наш взгляд, может быть то, что наблюдаемое явление свидетельствует о принципиально неполном отражении однозначной лексики русского языка в данном словаре. При более полном, более объективном учете разговорных ресурсов русской лексики (в основном, видимо, наиболее специфичных, производных, редких, а поэтому однозначных единиц), а также, в особенности, при более полном учете периферийной, терминологически-отраслевой лексики (которая, как известно, чаще, чем лексика других сфер, оказывается однозначной) системное соотношение между числом разговорных и книжно-специальных значений слов в зоне однозначных слов и числом значений слов этих стилистических классов в других полисемических областях могло бы быть восстановлено.

Это предположение хорошо согласуется и с тем, что степень помеченности ЛСВ любых частей речи книжно-специальными пометами заметно ниже, чем разговорными пометами (11,52% и 18,87%). Наглядно это видно на рис. 1. Подобное положение противоречит интуитивному представлению о разговорных ресурсах лексики как об активном, но довольно ограниченном по объему ядре, а о книжно-специальных средствах — как очень пространной, намного более обширной, чем ядро, периферии словарного состава развитого литературного языка. По всей видимости, именно книжно-специальные ресурсы лексики при отображении в данном словаре пострадали в наибольшей степени, а их более полное отображение привело бы к увеличению их удельного веса в общей функционально-стилистической картине данного словаря.

Выборочное обследование различных алфавитных участков данного словаря, проведенное нами, обнаруживает заметное отсутствие в нем многих специальных слов и значений, свойственных современному русскому узусу в профессиональных областях (например, представленных в специальных словарях). Общее число таких недобранных ЛСВ, по нашим подсчетам, достигает нескольких десятков тысяч. По крайней мере, согласно данным "Сводного словаря современной русской лексики" [44], в нем содержится около 85 тыс. слов (преимущественно однозначных терминов), не попавших в 1-е, и около 80 тыс. слов — во 2-е издание МАС'а.

9. Важным подтверждением предположения о неполном отражении в данном словаре периферийной, но реально существующей в языке лексики служит и характеристика лексикографической концепции МАС'а самими его составителями. Действительно, при решении вопроса о включении или невключении в этот словарь определенных разрядов лексики авторы не устанавливают существенных ограничений только для одной из четырех интересующих нас в стилистическом аспекте групп — для группы разговорных лексических средств. Не допускались в словарь из этого круга лексических средств, по словам его авторов, лишь "многие слова грубого просторечия" [9, т. I, с. VII], малочисленность которых по сравнению с общим объемом разговорного пласта не вызывает сомнений и не имеет решающего значения для общей картины. Более существенно то, что не включались в словарь и некоторые разряды производных существительных, прилагательных и наречий (которые "легко образуются и легко понимаются" [9, с. VII]), которые, очевидно, также чаще, чем их производные, являются периферийными, а значит, и чаще — малозначными единицами. Значительная их часть оказывается специальными единицами.

В анализируемый словарь, также по признанию его авторов, принципиально не включались "узкоспециальные термины отдельных областей науки, техники, искусств, необходимые лишь специалистам" [9, с. VII], т.е. доступ актуальной специальной лексики в словарь был сильно затруднен. За счет дополнительного их учета степень маркированности ЛСВ малозначных (в том числе и однозначных) слов могла бы существенно повыситься в сравнении с тем, что имеется сейчас в МАС'е. Т.е. можно предположить, что при условии учета этих фактов должно в итоге ликвидироваться наблюдаемое сейчас на графиках некоторое нарушение тенденции роста степени помеченности значений слов при движении в зону малозначных (особенно однозначных) слов.

10. Дальнейшее углубление поставленных вопросов может быть осуществлено, если мы рассмотрим специфику разных лексико-грамматических классов слов (частей речи) в отношении разных классов стилистических помет.

Оставляя пока в стороне служебные слова, а также числительные и междометия, отметим, что среди четырех знаменательных частей речи (существительное, глагол, прилагательное, наречие) в исследуемом словаре в наибольшей степени помеченными оказываются значения глагола — 42,29% от общего их числа (см. табл. и рис. 2). Количество стилистически помеченных ЛСВ однозначных глаголов — 6059 из 11 247, или 53,87%; количество стилистически помеченных ЛСВ многозначных глаголов — 7035 из 19 714, или 35,69%. Как видно, тяготение помеченности к значениям однозначных слов на материале глагольной лексики не подлежит сомнению.

Степень общей стилистической помеченности значений существительного оказывается ниже: обнаруживается 39,22% помеченных значений от общего числа всех значений этой части речи (в абсолютных цифрах соответственно — 16 426 и 4 1 883). Аналогичные данные для ЛСВ однозначных существительных: 37,45%, т.е. 8457 ЛСВ из 22 582 всех ЛСВ; для ЛСВ многозначных существительных: 41,29% — 7969 из 19 301.

Далее следуют по степени помеченности наречия и прилагательные.

Напомним, что согласно модели жизненного цикла слова (см. выше), ожидалась ббльшая стилистическая отмеченность значений существительного, а не глагола или любой другой части речи. Совершенно очевидно, что существительное оказалось бы

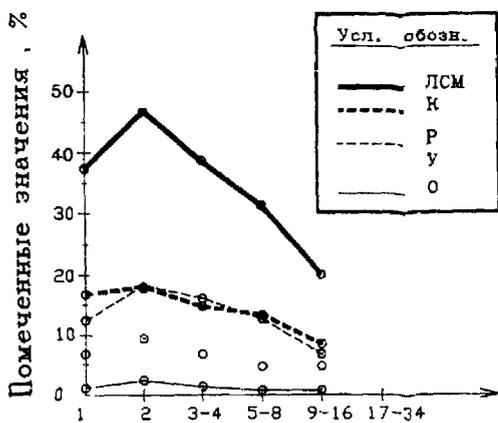

Рис. 3

Рис. 3. Соотношение общей и разрядной стилистической помеченности ЛСВ существительных по разным полисемическим зонам словаря

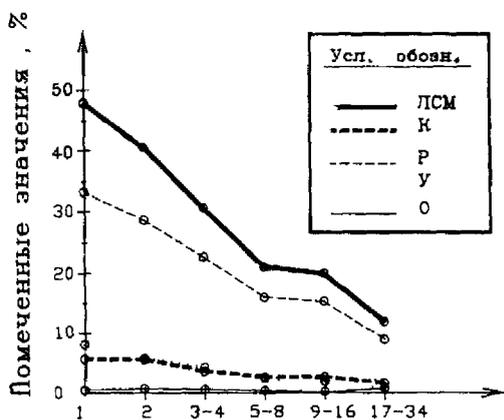

Рис. 4

Рис. 4. Соотношение общей и разрядной стилистической помеченности ЛСВ глаголов по разным полисемическим зонам словаря

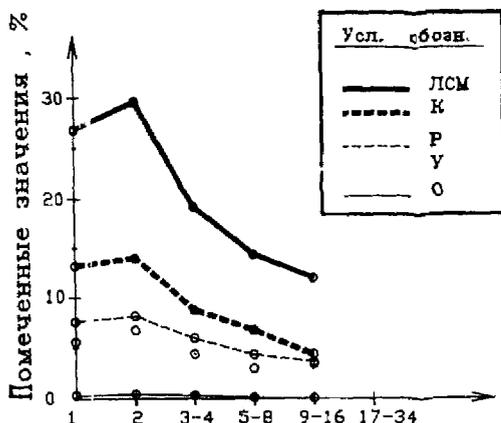

Рис. 5

Рис. 5. Соотношение общей и разрядной стилистической помеченности ЛСВ прилагательных по разным полисемическим зонам словаря

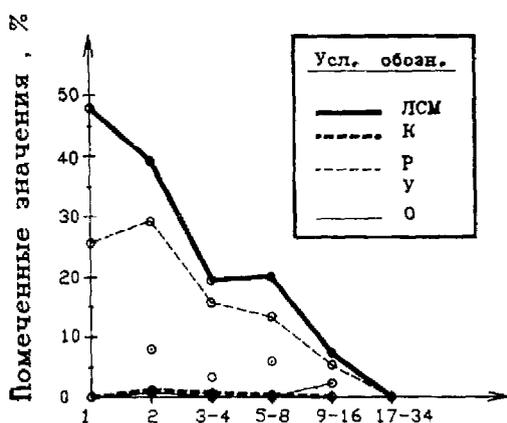

Рис. 6

Рис. 6. Соотношение общей и разрядной стилистической помеченности ЛСВ наречий по разным полисемическим зонам словаря

намного более маркированным в этом словаре, если бы эта категория русских слов была отображена в нем более полно (видимо, в основном за счет специальных слов и значений), чем это допустили, согласно своей концепции, составители словаря. При этом, видимо, не возникла бы такая странная ситуация, которая имеет место сейчас, когда ЛСВ однозначных существительных оказываются заметно менее маркированными любыми классами помет, чем ЛСВ многозначных существительных.

Это предположение очень вероятно, так как наибольшую долю книжно-специальных лексических единиц составляют во всех специальных областях (науки,

техники, ремесел и т.д.) именно обозначения предметов и различных "субстанций", т.е. существительные.

Графики, представленные на рис. 3—6, наглядно характеризуют явление функционально-стилистической помеченности лексики раздельно для разных частей речи по разным классам стилистических помет в различных полисемических зонах. Таблица и рисунки свидетельствуют о том, что наибольший вклад в общую книжно-специальную помеченность этого словаря — даже при их явно неполном отражении в нем — вносят значения существительных и прилагательных.

Если признать справедливым утверждение о достаточно слабом отражении в рассматриваемом словаре периферийных, но реально существующих в языке книжно-специальных ЛСВ (в первую очередь существительных), то при более полном отражении в подобном словаре этих категорий лексических единиц их вклад в общую помеченность всего лексического состава словаря стилистическими пометами мог бы существенно возрасти, а системные тенденции, связанные с распределением степени помеченности ЛСВ слов по разным полисемическим зонам, должны были бы измениться в более явном, более чистом виде. Главное, можно полагать, что изменилось бы общее соотношение помеченности ЛСВ двумя полярными классами помет — разговорными и книжно-специальными. Сейчас в словаре (по-видимому, неправомерно) доминируют разговорные пометы.

Итак, в настоящей работе была предпринята попытка дифференцированного рассмотрения стилистической помеченности ЛСВ разных грамматических категорий (частей речи) пометами четырех обобщенных стилистических классов по разным полисемическим зонам МАС'а. Это позволило обнаружить важные системные тенденции в организации этого словаря, и предположительно, языка в целом, а также некоторые отклонения от них, объяснимые определенными лексикографическими факторами. Экспериментальные данные в целом находятся в соответствии с теоретическими прогнозами, вытекающими из модели жизненного цикла слова, что позволяет считать проведенное исследование полезным для развития теоретических представлений о механизмах существования-развития языка (как объекта, находящегося постоянно в процессе становления, определенного динамического равновесия).

Проведенное исследование позволяет также сделать вывод о том, в каких аспектах анализируемый "Словарь русского языка" неполон как словарь среднего типа, как словарь, предназначенный для покрытия всего актуального литературного словаря общества (в том числе и периферийных, специальных его областей).

Одно из направлений дальнейшего углубления экспериментальной работы с материалом этого рода — изучение аналогичных фактов по краткому и большому словарям русского языка, их сопоставительный анализ и интерпретация его результатов под углом зрения соотношения пластов (сфер) словарного сознания русскоязычного общества, а также полноты и точности отображения этих пластов в словарях разного типа.

Еще более отдаленная перспектива — сопоставительный анализ стилистической помеченности лексики разных языков, в том числе и под углом зрения их типологической специфики, т.е. того, как особенности типа языка проявляются в особенностях его лексической подсистемы, в частности со стороны ее стилистической организации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
2. Новиков Л.А. Семантика русского языка. М., 1982.
3. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. М., 1989.
4. Борода М.Г., Поликартов А.А. Закон Ципфа-Мандельброта и единицы различных уровней организации текста // Квантитативная лингвистика и автоматический анализ текстов. Тарту, 1984. (Уч. зап. Тартуского ун-та. Вып. 689).
5. Системный анализ значимых единиц русского языка. Парадигматика в лексике и словообразовании. Красноярск, 1987.

6. Тулдава Ю.А. Проблемы и методы количественно-системного исследования лексики. Таллинн, 1987.
7. Поликарпов А.А. Логическое пространство единиц лексической подсистемы языка и квантификация соотношений между ними // Прикладная лингвистика и автоматический анализ текста: Тез. докл. науч. конф. 28—30 янв. 1988 г. Тарту, 1988.
8. Каримова Г.О., Поликарпов А.А. Принципы выделения гиперлексемы как единицы лексической системы языка // Деривационные типы и гнезда в синхронии и диахронии. Владивосток, 1989.
9. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. Евгеньевой А.П. М., 1957—1961.
10. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. Евгеньевой А.П. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981—1984.
11. Кустова Г.И., Поликарпов А.А. От предметности — к абстрактности // Эвристические возможности квантитативных методов исследования языка: Тез. докл. Всес. семинара в г. Смоленске 11—13 сент. 1991 г. Смоленск, 1991.
12. Polikarpov A.A. A model of the word life cycle / Ed. by Koehler, R., Rieger, B. // Contributions to quantitative linguistics. Dordrecht; London; Boston, 1993.
13. Поликарпов А.А. К теории жизненного цикла лексических единиц // Прикладная лингвистика и автоматический анализ текста. Тез. докл. науч. конф. 28—30 янв. 1988. Тарту, 1988.
14. Поликарпов А.А. Лексическая полисемия в эволюционном аспекте // Linguistica. Тарту, 1990 (Учен. зап. Тартуского ун-та. Вып. 911).
15. Polikarpov A.A. On the hypothesis of word life cycle // First quantitative linguistics conference (QUALICO). Abstracts. September, 23—27, 1991. University of Trier, Germany. Trier, 1991.
16. Скляревская Г.Н. Заметки о лексикографической стилистике // Современность и словари. Л., 1978.
17. Скляревская Г.Н. Лексикографическая стилистика: состояние и проблемы // Словарные категории. М., 1988.
18. Скляревская Г.Н. Еще раз о лексикографической стилистике // ВЯ. 1988, № 3.
19. Скляревская Г.Н. Функционально-стилистическая характеристика лексики в новом академическом словаре // Материалы научно-практической конференции "Проблемы стилистики и лексикографии". 30 октября 1991 г. СПб, 1991.
20. Бабкин А.М. Устарелые слова в современном языке и словаре // Современная русская лексикография. 1981. Л., 1983.
21. Скляревская Г.Н. Полудиалектическая лексика в современном русском языке // Вопросы стилистики. Вып. 7. Саратов, 1974.
22. Балахонova Л.И. Лексика диалектного происхождения в современном русском литературном языке как объект лексикографии и лексикологии // Современная русская лексикография. 1981. Л., 1983.
23. Партенадзе М.Х. О статусе диалектной лексики в толковом словаре литературного языка. Тбилиси, 1984.
24. Денисов П.Н., Костомаров В.Г. Стилистическая дифференциация лексики и проблема разговорной речи // Русская разговорная речь. Саратов, 1970.
25. Скляревская Г.Н. О соотношении лексикографических понятий "разговорное" и "просторечное": Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1973.
26. Скляревская Г.Н. Разговорная речь как объект лингвистического исследования // Лингвистические исследования. 1972. Ч. 1. М., 1973.
27. Бурцева В.В. Слово с пометой "специальное" в семнадцатитомном академическом "Словаре современного русского литературного языка" (1948—1965 гг.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1975.
28. Беркович Т.Л. Содержание и функции помет для терминологической лексики в общих словарях разных типов // Словарные категории. М., 1988.
29. Ломоносов М.В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч., т. 7. М.; Л., 1952.
30. Ахманова О.С. О стилистической дифференциации слов // Сборник статей по языкознанию. Проф. МГУ акад. В.В. Виноградову. М., 1958.
31. Степанов Ю.С. Французская стилистика. М., 1965.
32. Винокур Т.Г. Употребление языка как основной предмет стилистики // Стилистика русского языка. М., 1987.
33. Петрищева Е.В. Функциональная и стилистическая дифференциация речи // Стилистика русского языка. М., 1987.
34. Петрищева Е.Ф. Стилистически окрашенная лексика русского языка. М., 1984.
35. Ожегов С.И. О трех типах толковых словарей современного русского языка // ВЯ. 1952. № 2.
36. Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти т. М.; Л., 1948—1965.
37. Толковый словарь русского языка: В 4-х т. // Под ред. Ушакова Д.Н. М., 1935—1940.
38. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. акад. Обнорского С.П. М., 1949; 9-е изд., испр. и доп. / Под ред. Шведовой Н.Ю. М., 1972; 21-е изд., перераб. и доп. / Под ред. Шведовой Н.Ю. М., 1989.
39. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1993.
40. Поликарпова А.О., Поликарпов А.А. Опыт изучения уровня и характера индивидуального знания русской лексики // Квантитативные аспекты системной организации текста: Материалы межвуз. семинара. Тбилиси, 1987.
41. Поликарпов А.А. Полисемия: системно-квантитативные аспекты // Квантитативная лингвистика и автоматический анализ текстов. Тарту, 1987. (Уч. зап. Тартуского ун-та. Вып. 774).

42. *Поликарпов А.А., Крюкова О.С.* О системном соотношении краткого и среднего толковых словарей русского языка // Квантитативная лингвистика и автоматический анализ текстов. Тарту, 1989. (Уч. зап. Тартуского ун-та. Вып. 872).
43. *Тулдава Ю.А.* Социальная дифференциация лексики эстонского языка с квантитативной точки зрения // Квантитативная лингвистика и стилистика. Труды по лингвостатистике. Тарту, 1983 (Уч. зап. Тартуского ун-та. Вып. 658).
44. *Рогожникова Р.П.* Сводный словарь современной русской лексики. В 2-х т. М., 1991.